

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Герасимова Александра Андреевна

магистрант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) «Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации», РФ, г. Санкт-Петербург

Использование служебного положения, как способ совершения преступления, выражается в «использовании лицом авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе. Такое воздействие заключается в склонении другого должностного лица к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др. [2]». Таким образом, лицо использует свое служебное положение исключительно в тех случаях, когда самостоятельно осуществить действия необходимые для достижения определенного преступного результата не имеет возможности, ввиду отсутствия на это полномочий. Тогда как другое лицо, на которое, ввиду наличия у преступника определенного служебного положения, можно оказать воздействие, такими полномочиями, а равно возможностями располагает. Такой способ преступного посягательства необходимо отграничивать от «использования служебных полномочий». Он состоит в совершении лицом таких действий, «которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции [2]». То есть это исключительно те случаи, когда преступник может самостоятельно осуществить те действия, которые необходимы для достижения преступной цели.

Модельный УК для государств – участников СНГ 1996 г. хищение с использованием служебного положения рассматривает в качестве самостоятельного состава преступления против собственности. Ответственность за указанное преступное посягательство содержит ст. 242, именуемая «Хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением». По мнению Б.В. Волженкина, этот научно разработанный документ, «не имея обязательной силы, ... может и должен послужить образцом для создания национальных уголовных кодексов, основой для формирования уголовного законодательства, относительно единого для всех стран Содружества [1]». Однако на деле получается совершенно противоположная ситуация. Уголовная ответственность за хищение с использованием служебного положения в странах СНГ закрепляется по-разному, а то и вовсе не закрепляется. Так, нормы уголовного закона можно условно классифицировать на четыре группы:

1. Хищение с использованием служебного положения не выделяется в отдельный состав преступления. Использование служебного положения выступает квалифицирующим признаком мошенничества, присвоения и растраты;
2. Хищение с использованием служебного положения не признается самостоятельным составом преступления. Устанавливается ответственность за хищение путем использования служебных полномочий;
3. Хищение с использованием служебного положения признается самостоятельным составом преступления против собственности;
4. Ответственность за использование лицом служебного положения или служебных полномочий при совершении хищения не применяется.

Первая группа представлена наибольшим количеством стран. К ним относятся: Российская Федерация, Казахстан, Молдавия, Грузия, Таджикистан, Азербайджан, Узбекистан, Армения.

В Уголовном кодексе Российской Федерации использование служебного положения выступает квалифицирующим признаком мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ), присвоения и растраты (ч. 3 ст. 160 УК РФ). Аналогично рассматриваемый вопрос регулируется и в уголовном законодательстве остальных стран-представительниц первой из выделенных нами групп. Исходя из такого подхода законодателя, можно установить, что для наличия в действиях служащего состава хищения необходимо, чтобы использование служебного положения применялось им наряду с иными способами, предусмотренными мошенничеством, присвоением и растратой. Такими способами выступают обман, злоупотребление доверием или тот факт, что имущество было вверено виновному по службе. Можно выделить следующие проблемы:

1. Такая конструкция состава зачастую приводит к тому, что виновные безосновательно уходят от надлежащей ответственности. Проиллюстрируем это на примере. Командир воинской части Г. отдал устное распоряжение подчинённым ему военнослужащим о беспрепятственном пропуске на территорию военного объекта гражданской автомобильной техники с целью вывоза строительных материалов (железобетонных плит), принадлежащих Министерству обороны РФ. В результате чего с территории военного объекта подчиненными должностному лицу были вывезены железобетонные плиты, которые Г. обратил в свою пользу. Министерству обороны РФ был причинен реальный материальный ущерб [3]. Суд признал Г. виновным по ч. 1 ст. 285 УК РФ, то есть в злоупотреблении должностными полномочиями.

Однако по факту было совершено хищение, так как деяние отвечает всем обязательным признакам общего понятия, закрепленного в примечании 1 к ст. 158 УК, однако привлечь лицо к ответственности за хищение не представляется возможным. Думается, что суд, оценивая подобные деяния, исходит в первую очередь из положений ст. 8 УК РФ, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. А так как деяние не отвечает всем обязательным признакам состава преступления, закрепленного в УК, вследствие того, что виновный не применял обман или злоупотребление доверием, имущество ему было не вверено, а значит, его действия не содержат все законодательно предусмотренные признаки этих составов преступлений.

2. Кроме того, такой подход не учитывает возможность привлечения к ответственности за хищения путем использования служебных полномочий. Такие действия на практике оценивают как хищение с использованием служебного положения, что, по своей сути, является применением уголовного закона по аналогии. Таким образом, включения в нормы об ответственности за мошенничество, присвоение и растрату такого квалифицирующего признака как использование служебного положения представляется нецелесообразным.

Вторая группа представлена законодательством одной страны. УК Республики Беларусь в ст. 210 закрепляет ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Минус этого подхода в том, что не учитывается возможность привлечения к ответственности за хищение с использованием служебного положения. В таких условиях правоприменитель вынужден: либо квалифицировать такие деяния по вышеуказанной норме как хищение с использованием служебных полномочий, то есть применять уголовный закон по аналогии (что недопустимо); либо оценивать их по иным статьям Уголовного кодекса, устанавливающих ответственность за преступления против интересов службы, что также не правильно. Однако нельзя не отметить и положительный момент этого подхода: белорусский законодатель признает необходимость криминализации хищения с использованием служебных полномочий.

Третья группа также представлена законодательством одной страны. Статья 191 УК Украины устанавливает ответственность за присвоение, растрату имущества или завладение им путем злоупотребления служебным положением. Этот подход полностью заимствован из УК СССР 1960 г. Однако со времен СССР подходы к пониманию использования служебного положения существенно изменились. И если УК СССР рассматривал использование служебного положения как категорию более широкую по отношению к использованию служебных

полномочий и, по сути, включающую в себя и этот способ совершения преступления. То современные законодатель (в частности в РФ) не отождествляет эти понятия и не соотносит их как часть и целое, а наоборот разграничивает. А потому реалии современной действительности не позволяют ограничиться криминализацией только такого способа хищения как использование служебного положения.

Четвертая группа, представленная законодательством Киргизии, не устанавливает ответственности за использование служебного положения или служебных полномочий при совершении хищения. Этот подход представляется неверным, ввиду повышенной общественной опасности рассматриваемых деяний. Субъекты этих форм хищения являются специальными, то есть в отличие от рядовых расхитителей чужого имущества характеризуются, во-первых, особым статусом, обусловленным их служебным положением. В силу этого, имеют нормативно закрепленное право диктовать свою волю, превращать ее в обязательную для другого субъекта, требовать от него исполнения своих предписаний и решений. А, во-вторых, наличием особых полномочий. По своей сути они являются управленцами, то есть, наделены полномочиями по управлению людьми и имуществом. Следовательно, приемы и методы хищения во многом зависят от тех служебных функций, которыми наделен виновный.

Мы приходим к следующим выводам. На современном этапе ни в одном из государств СНГ нет идеально сконструированной нормы об ответственности за рассматриваемые посягательства. Включение признака «с использованием служебного положения» в качестве квалифицирующего признака мошенничества, присвоения и растраты является нецелесообразным и порождающим множество проблем на практике. Однако необходимо принять во внимание положительный опыт некоторых стран СНГ. По нашему мнению, уголовное законодательство РФ с необходимостью должно содержать ответственность как за хищение с использованием служебного положения, так и за хищение с использованием служебных полномочий.

Список литературы:

1. Волженкин Б.В. Пояснительная записка к Модельному Уголовному кодексу для государств – участников Содружества Независимых Государств // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 88–150.

2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях:

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].